

А.В. Малева
Сыктывкар, Россия

ЛИРИКА КОМИ ПОЭТЕССЫ НИНЫ ОБРЕЗКОВОЙ: АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ*

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие художественного осмысления жизни известной коми поэтессы Н. Обрезковой, которое характеризуется синкретизмом черт мифологичности, импрессионистичности и интеллектуальности. Выявляется специфика художественного мышления поэтессы.

Ключевые слова: литература рубежа XX-XXI в.в.; современная коми поэзия; женская лирика; лирическая героиня; мифологизм; импрессионистичность.

A. V. Maleva
Syktyvkar, Russia

THE POETRY OF THE KOMI POETESS N. OBREZKOVA: THE ASPECTS OF POETICS

Abstract: The originality of the art conception of the life of known komi poetess N. Obrezkova is considered in the article. It is characterized as mifology, impressionistic and intellectual. Specificity of art thinking of the poetess is revealed by the author.

Keywords: the literature at the turn of the XX-XXI centuries; modern poetry of the Komi; the female lyrics; the lyrical heroine; mythological, impressionism.

Период конца XX – начала XXI вв. отмечен активным развитием женской коми поэзии, одним из ярких представителей которой стала переживающая период творческой зрелости Н.А. Обрезкова. Естественно, в чертах мировидения поэтессы нашло выражение своеобразие мироощущения современника эпохи рубежа веков, характеризующееся стремлением к глубокому переосмыслению жизни и ценностными поисками. Концептуальные взгляды Н. Обрезковой формируются в осмыслении проблем вечных: в раздумьях об одинокой старости («Кыдзи овсьö тэныд, пöрысь морт...» – «Как живется тебе, пожилой человек...»), о малой родине («Коркö воан гортад ыджыд мортöн...» – «Когда-то вернешься домой ты большим человеком...»), отношениях родителей и детей («Тэнсьыд чукрыръястö некор некод нин оз веськöд...» – «Твои морщинки никто никогда уже не расправит...»), «Асья лöньын кылö трич да трач...» – «В утренней тиши слышно “трич” и “трач”»), мужчины и женщины («Баба коралö мужикöс...» – «Женщина сватает мужчину...»), «Аддзысьöны нывбаба да мужичöй...» – «Встречаются женщина и мужчина»), о неизбежных ошибках и заблуждениях («Вийсям...» – «Бьемся...»), «Мыйкö век тэрмасьям, восьлалам, мунам...» – «Постоянно спешим мы, шагаем, идем...») и др.

Ее мировидение отмечено весьма своеобразными чертами. На наш взгляд, справедливо замечание философа, культуролога В.М. Пивоева о том, что на «пороге XXI столетия человечество столкнулось с проблемой глобального кризиса цивилизации <...> Идеалы рационализма, притягивавшие умы в течение четырех веков, едва не превратились в иллюзии. Обнаружилась полимифологичность общественного сознания. Преодолевая предопределенную вербальным сознанием рациональность, человечество начинает осознавать и осваивать ирра-

циональное...» [Пивоев 1991: 3]. Поэзия Н. Обрезковой выражает видение человека и мира в единстве материального и трансцендентного, что выражается в тенденции устанавливать взаимосвязь между предметным и абстрактным, ощущать причинно-следственные отношения между разнородными по качеству и структуре предметами, событиями и явлениями. Неявно придавая окружающему жизненному пространству особую сакральную значимость, героиня выявляет тем самым черты мифологичности сознания, в частности – черты партиципации, суть которой – «всеобщая мистическая связь предметов и событий мира, абсолютная взаимозависимость и взаимообратимость» [Стоянова]. Свообразие мышления лирической героини Н. Обрезковой заключено в восприятии мира в интуитивных чувствованиях, связях, выработанных традициями, которые формируют мирообраз в тонком взаимодействии земного, зримого, осязаемого и невидимого, непознанного. В силу этого наименование бытовых деталей в устах ее лирической героини обретает особый онтологический смысл, т.к. она видит не только материальное обличье предметов – она стремится уловить в них частичку непреходяще-ценностного: предметный мир в большей степени не быт для нее, а бытие. Так, героиня устанавливает взаимосвязь между соблюдением человеком народных традиций и успешностью его жизни («Бабьясым...» – «Наши бабушки...»), морщинками матери и судьбой дочери («Тэнсьыд чукрыръястö некор некод нин оз веськöд...» – «Твои морщинки никто никогда уже не расправит...»); связанные бабушкой героини рукавицы формируют в ее сознании канал между прошлым и настоящим («Бара талун...» – «Вновь сегодня...»), разлука с малой родиной становится предзнаменованием начинающихся неприятных перемен в ее жизни («Рака тöлысьын лымыйд уна на...» – «В марте много еще снега...»).

«Для мифологического сознания все, что существует – одушевлено» [Лебедько]: героиня Н. Обрезковой не столько наделяет предметное и абст-

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

рактное душой, независимым, полноценным существованием, сколько видит, чувствует и осознать в них наличие жизни. Так, олицетворение («Васъёс весигтö петнысö дыш...») – «Даже лень выходить из воды...»: желание героини познать внутренний мир прибитой к берегу лодки, а также антропоморфизм, персонификация (февраль, стихи, зима – полноценные персонажи лирики поэтессы: «Ми регыд войтвакöд синмасьны кутам!...») – «Мы скоро будем перемигиваться с капелью!...», «Кывбурьясöй чужисны...») – «Родились мои стихотворения...», «Миян войвылад тöлыд...») – «У нас на Севере зима...») и материализация (любви: «Радейтчöмыс...») – «Любовь»; памяти: «Паметьö став öдзöсьяссö восьтис...») – «Раскрыла память мне все двери...»); счастья: «Вийсям...») – «Бьемся»; високосного года: «Быттьö кужтöма доддялём вöв...») – «Словно неумело оседланная лошадь...») и т.д.) – устойчивые элементы формирования структуры мирообраза лирической героини. По мнению Е. Стояновой, утверждающей, что мифологизм – «элемент всякого личностного сознания вне возрастного, культурного или исторического состояния», чувственный характер мировосприятия – особенность мифологического сознания на этапе инкорпорированного мышления: «...абстракции мыслятся чувственно, овеществлено» [Стоянова].

Одна из национальных особенностей мирочувствования героини Н. Обрезковой выражается в том, что мифические (мифологические) существа из параллельного мира воспринимаются ею как полноправные обитатели ее жизненного пространства («Коркö öшиняд лэбачөн...») – «Когда-нибудь в твоё окно птиц...»: образ души-птицы; «Босьтны эськö мамлысь керка пытшкөссö...») – «Взять бы домашнюю обстановку мамы...»: «домашние боги» – как определяет Н. Обрезкова «гортса еньяс»), а природный мир в большей степени выполняет функцию родного дома, среды обитания, нежели пространства, параллельного социальному, что выражено как в форме непринужденного слияния героини с природным миром («Тэнад синьяс рёма...») – «Цвета твоих глаз...»), так и в ее образных трансформациях – зоо- и биометаморфозах: она принимает облики птиц, животных, рыб, природных явлений («Тöдан» – «Знаешь», «Лэбачөн вола...») – «Прилечу птицей...», «Радейтчöмлөн кырыдыс...») – «Горечь любви...», «Кöсьян...») – «Хочешь...»).

Сидз и коля,
Мыськавтöм да дзебтöм –
Керка шöрын
 бöрдьысь мед эз вöв.
Восьтöй керка вевтсö –
 ачым лэбзя –
 кызди унаысь на вöвлі –
 еджыд вöв.
 («Сидз и коля...», 2003).

Так и останусь,
Не обмытая и не погребенная –
В доме
 пусть не будет плачущих.
Откройте крышу дома –
 сама взлечу –

как и бывало уж не раз –
белая лошадь.
(«Так и останусь...», 2003)¹

На наш взгляд, подобные ощущения – художественное выражение анимизма – перевоплощения души, о чем писал еще в начале XX века уроженец Коми, культуролог, основатель факультета социологии в Гарварде П. Сорокин: «...анимизм был глубоко жизненным явлением у зырян <...> Не только для древнего зырянина, но и для современного коми (как и для многих других народов), живущего в веке пара и электричества, мир, если так можно выразиться, наполнен духами <...> После смерти человека душа его перевоплощается (оборачивается) в какой-нибудь одушевленный или неодушевленный предмет. Смерть, с точки зрения зырянина, не что иное, как перемена душой своего образа (вида), формы <...> души человека и других предметов сходны, обладают одинаковыми склонностями, вкусами, желаниями...» [Сорокин].

Своеобразием мышления лирической героини Н. Обрезковой, переживающей катаклизмы периода смены тысячелетий, становится «размытая дуальность» ее сознания: нарушено оппозиционное деление жизненного пространства на «свое» и «чужое». Нарушение бинарной логики выражено тем, что героиня то не ощущает себя принадлежащей ни одному пространству (ни городу, ни селу: «Колöк, важөн нин мунны колö сэтчö...») – «Может быть, давно уже пора идти туда...», «Нэмöс коля Панькөсиктса мортөн...») – «Навеки останусь жителем села Панькөсикт», «Гортöй, гортанöй, лайкыд потанöй...») – «Дом мой, дом родной, плавная колыбель...»), то одновременно принадлежит обоим («Сидз и коля...») – «Так и останусь...»: земному и потустороннему). На наш взгляд, периодическое обращение поэтессы к лишенному строгой композиционной упорядоченности свободному стиху также становится художественным выражением хаотичности мышления и некоторой неустойчивости и спонтанности образа ее жизни, выражаемого в непрерывных поисках ценностных основ. Кроме того, форма верлибра подразумевает глубину художественной мысли поэтессы («Тайö кывйыс бöрся...») – «За этим словом...», «Кыпöдін аслыд керка...») – «Поднял ты себе дом...», «Сикт кузяыс мунігөн...») – «Идя по селу...», «Эмöсь кывбурьяс...») – «Есть стихи...», «Кöнкö морсöсын...») – «Где-то в груди...») и т.д.).

Тайö кывйыс бöрся
вöтлысь да вöтлысь ...
А сійö
еджыд бобулөн
пуксис
тэнад пельпом вылö...
Шемöсми...
...Öні ог тöд,
коді меным энджык колö –
Тэ
либö
тэ дорö вайöдысь кывйыс...
 («Тайö кывйыс бöрся...», 2007)

¹ Здесь и далее перевод подстрочный наш. – А.М.

За этим словом
гонялась и гонялась...
А оно
белой бабочкой
село
на твое плечо...
Изумилась...
...Теперь и не знаю,
кто мне больше всего нужен –
Ты
или
к тебе приведшее слово...
(«За этим словом...», 2007)

Мышление лирической героини Н. Обрезковой можно охарактеризовать и как импрессионистическое, что также связано, на наш взгляд, с особенностями переломной эпохи. Своеобразие импрессионистического мировосприятия героини заключено во фрагментарности ее мироощущения: дробление потока чувств и мыслей на отдельные составляющие выражают ее стремление из множества событий выхватить одно единственное и не только придать ему особую смысловую, содержательную значимость, но и вывести из него закон, формулу жизни («Чöv-лөнъ...» – «Покой...»: «Чöv-лөнъ, тэ кутшöм? Ме тэнö вунöдi...» – «Покой, а ты какой? Я тебя забыла...», «Кылан...» – «Слышишь...», «Козьнав меным дзоридзьяс...» – «Подари мне цветы», «Сьöд дöра вылын...» – «На черном полотне...», «Меным колö кодкöдкö...» – «Мне бы нужно с кем-нибудь...», «Енмöй...» – «Господи...», «Менам сьöлöмын йитчöма куим пöлöс дой...» – «В моем сердце сплелись три вида боли...»).

Выражением импрессионистичности мировосприятия героини Н. Обрезковой становится и лирическая бессюжетность стихотворений: характеризующие почерк поэтессы немногословность, лаконичность, точность, краткость, сжатость и сконцентрированность на передаче основного на данный момент чувства и ощущения придают ее поэзии черты афористичности («Нинöм кө шунытö...» – «Если нечего сказать»: «Кынмалöм юйдлөн дженьыд нэм» – «У замерзшей реки век короток»; «Водззык кө челядтö лöсьöдан, – водззык и верстямман...» – «Раньше детей заведешь – раньше повзрослеешь». Справедливое, на наш взгляд, замечание социального психолога А.А. Михайлова характеризует и особенность художественного мышления Н. Обрезковой: «...работы импрессионистов, без какого-либо промедления, сразу же погружают наше сознание в предельно кратко сформулированную художественную идею <...> Зрелый литературный импрессионизм, реализует себя в афористическом жанре...» [Михайлов]. Афористичность мышления поэтессы подразумевает его аналитичность, что находит форму выражения в тезисности, художественной «теоретизации» вопросов бытия: творения Н. Обрезковой представляют, на наш взгляд, совокупность формул жизненных ценностей и идей, выстроенных на основе личного опыта героини и жизни окружающего ее мира. Формирование теоретической мысли определяется С.Н. Ковалевым как «начало философского знания» [Ковалев]. Так, героиня пы-

тается сформулировать универсальное, но, тем не менее, выработанное личным пониманием, определение чувству любви («Первой радейтчöмыд...» – «Первая любовь...», «Кор дзик нин ачюд...» – «Когда совсем уж сам...»), творчеству («Эмось кывбурьяс...» – «Есть стихи...»), «Паськыд туйтi мунигөн...» – «Если идешь по просторной дороге...»), ощущению детства («Ми век на челядь...» – «Мы все еще пока дети...»), жизни («Олöмыд тай...» – «Жизнь, оказывается...»), времени («Кутшöм öдйö...» – «Как же быстро...») и другим явлениям.

Ми век на челядь,
Ловьяöсь кө мамьяс,
Да кык пöv челядь,
Бабьясным кө ловья ...
(«Ми век на челядь...», 2003)

Мы все еще пока дети,
Если живы наши матери,
И дети вдвойне,
Если живы наши бабушки...
(«Мы все еще дети...», 2003)

Оценивая творчество Н. Обрезковой, хорошо знающий литературу финно-угорских народов России эстонский писатель Арво Валтон, который в течение многих лет возглавлял Международную ассоциацию финно-угорских литератур, охарактеризовал ее как одну «из самых интеллектуальных авторов среднего поколения в коми литературе» [Валтон 2007: 69]. Интеллектуальность творчества поэтессы выражена, на наш взгляд, как в афористичности, тезисности стихотворений, так и в некоторых особенностях самопрезентации ее героини, которая характеризуется подтекстуальной завуалированностью авторской позиции. Так, некоторая сухость изложения вследствие практического отсутствия средств художественной выразительности и заметного преобладания глагольных форм формируют на первый взгляд видимую и обманчивую безэмоциональность лирической героини. Эмоция в отражении мира героиней Н. Обрезковой вторична по отношению к мысли: видимая чувствительность заменяется констатируемым фактом, идеей, мыслью, формулой, теорией. Избегая демонстрировать глубину чувств и переживаний, героиня вуалирует их за внешне спокойным речевым поведением, ее чувства – на более глубинном – подтекстуальном – уровне, что отражается в выборе автором тем, проблем и ситуаций и, прежде всего, в ее отношении к изображаемому. Формируемый речевой манерой письма образ строгой, сурово-волевой героини опровергается подтекстом, вскрывающим совершенно противоположный характер – характер человека ранимого, восприимчивого не только к своей, но и к чужой боли, угнетенного игнорированием современным обществом истинных ценностей жизни, глубоко переживающего и сопереживающего всему миру.

Таким образом, особенности художественного осмысления жизни Н. Обрезковой связаны с такими чертами, как мифологичность, импрессионистичность и интеллектуализм. Мифологичность миро-

восприятия героини выражена в интуитивности ее мышления, сакрализации и одухотворении окружающего жизненного пространства в слиянии с природным миром. Воплощением импрессионистичности мирозерцания поэтессы становится афористичность и тезисность речевой манеры изложения. Интеллектуальность сознания заключена в обращении поэтессы к формам афоризма, а также в подтекстуальной завуалированности позиции лирического «я» героини.

ЛИТЕРАТУРА

Валтон А. Н. Обрезкова (Послесловие) // Н. Обрезкова. Нинпу / Niinерuu / Lime-tree / Липа. – Tallin: Kirjastuskeskus, 2007.

Ковалев С.Н. Теоретизация как начало философии // URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/intelekt/2007_5/22.pdf (Дата обращения: 21.08.2011).

5/22.pdf (Дата обращения: 21.08.2011).

Лебедько В.Е. Мифологическое сознание (концептуальное эссе). 2009 // <http://www.aworld.ru/texta/?685> (Дата обращения: 28.08.2011).

Михайлов А.А. Золотая осень русской литературы. Аналитическая статья профессора социальной психологии о современном состоянии отечественной литературы. – М., 2004. URL: // <http://rychkov-valentin.narod2.ru/> (Дата обращения: 27.08.2011).

Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991.

Сорокин П. Пережитки анимизма у зырян. 1910. URL: http://foto11.com/komi/ethnography/pitirim_sorokin/animism.shtml (Дата обращения: 28.08.2011).

Стоянова Е. О некоторых свойствах сознания в контексте мифа. Симферополь. URL: // <http://www.fantclubcrimea.info/2-stojan-mif.html> (Дата обращения: 28.08.2011).

Данные об авторе:

Анастасия Валерьевна Малева – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар).

Адрес: 167005, Республика Коми, Сыктывкар, Коммунистическая, 26.

E-mail: malana84@mail.ru

About the author:

Anastasia Valerjevna Maleva – Junior Researcher of the Literature Sector Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar).